

УДК 393(=352:3)
ББК 63.521(=602) - 534
Х 85

Б.С. Хотко,

*младший научный сотрудник отдела этнологии и народного искусства АРИГИ,
тел. 8 906 438 34 09.*

**Обряд «воздушного» погребения
в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов
(Рецензирована)**

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из наиболее ярких обрядов абхазо-адыгского язычества – культа «воздушного» погребения. На основе исторических документов, архивных источников и переводной литературы «воздушное» погребение представлено как явление, характерное для культуры абхазов и адыгов в рамках обозримой исторической эпохи вплоть до середины XIX века. Культурологический подход, выбранный исследователем, позволил выявить типологию обряда «воздушного» погребения, определить его стабильные и мобильные, общие и локальные элементы.

Ключевые слова: «воздушное» погребение, языческий культ, друидизм, дубовая колода, жертвоприношение, бог грома и молнии, абхазы, адыги.

B.S. Khotko,

*Junior Scientist of Ethnology and Folk Art Department of T.M. Kerashev Adyghe
Republican Institute of Humanitarian Researches, ph. 8 906 438 34 09.*

**The “open-air” burial ceremony in space of pagan
culture of the Abhazes and Adyghes**

Abstract. The paper provides an analysis of one of the brightest ceremonies of Abhaze-Adyghe paganisms – a cult of the “open-air” burial. On the basis of historical documents, archival sources and the translation literature, the “open-air” burial is presented as the phenomenon characteristic of culture of the Abkhazes and Adyghes within the limits of a foreseeable historical epoch up to the mid-19th century. The chosen culturological approach has allowed the researcher to reveal typology of an “open-air” burial ceremony and to define its stable and mobile, general and local elements.

Keywords: an “open-air” burial, a pagan cult, druidism, an oak pack, sacrifice, god of a thunder and a lightning, Abkhazes, Adyghes.

Проблема изучения языческих культов и верований является особенно актуальной в настоящее время, характеризующаяся ростом национального самосознания, пытливым интересом к истории и духовной культуре народа. Обращая внимание на один из многочисленных языческих культов, каковым является обряд «воздушного» погребения, мы можем уверенно говорить о том, что он является одним из наиболее древних языческих обрядов, важным ритуалом в выражении религиозных воззрений и представлений, основывающихся на сакрализации родовых и этногенетических связей. Сам факт «воздушного» погребения достаточно известен, но

содержит в себе немало «скрытой» информации, потерянных смыслов и зашифрованных кодов, расшифровка которых и составляет цель нашего исследования.

Первые сведения о подобном обряде мы встречаем у И. Шильтбергера около 1405 г. Немецкий путешественник писал, что черкесы хоронят убитых молнией в гробах, подвешиваемых на высоком дереве. Затем, после похорон, в течение трех дней на том месте устраивался торжественный обряд. Собравшиеся ели мясо принесенных в жертву животных, пели, танцевали. Ритуал повторялся каждый год, пока труп не истлевал [1]. Это сообщение является самым ранним упоминанием культа бога молнии и обряда «воздушного» погребения в Черкесии.

В основе обряда просматривается связь человека и дерева. Можно предположить, что смыслом ритуала являлась передача души и тела умершего своему первопредку – дереву, от которого произошли все люди. Захоронение на деревьях только убитых молнией говорит, по-видимому, о том, что оно ассоциировалось с божеством грома Шибле. Молния чаще всего попадала именно в деревья, притом в большие. Когда тело подвешивалось на высокое дерево, пораженное божественным огнем, оно как бы «отдавалось» божеству Шибле [2].

В середине XVII в. Эвлия Челеби также зафиксировал у черкесов и абхазов «воздушное» погребение: «И этот народ не зарывает своих покойников, не засыпает их землей. Они выдалбливают внутренность толстого дубового бревна наподобие колоды и в нее помещают покойника. Накрепко закрывают колоду, а снизу и сверху проделывают отверстия. Затем она подвешивается к ветвям развесистого дерева и оставляется там. Через отверстие внутрь проникают затем медоносные пчелы и откладывают мед. Таким образом, они узнают: умерший – в раю. Если же пчелы не откладывают меда, они плачут, восклицая: «О, наш умерший в аду». В сильнейшем огорчении они, ради духа умершего, режут 5-10 свиней и раздают их гостям» [3]. В своих трудах Э. Челеби упомянул тот факт, что его самого угощали медом из такой колоды. Вероятно, здесь речь идет о значительном проценте покойников, а не только об убитых молнией или только знатных людях.

Представление о родовой связи с деревом, наверное, древнее, чем отождествление дерева с богом, в данном случае – Шибле. Поэтому изначально на деревьях могли хоронить значительный процент умерших мужчин, затем обряд несколько изменяется, ориентируется на избранных. На деревьях начинают хоронить только убитых молнией, как это отмечено И. Шильтбергером.

В XVII в. появляются сообщения о том, что такому обряду следуют массово (Челеби и др.). Однако наряду с ними существуют и другие данные (археологические и исторические), указывающие на то, что основным видом погребения являлась ингумация в грунтовой могиле, деревянной колоде или гробовище. Сообщения о «воздушных» погребениях у абазов и черкесов, по всей вероятности, касались некоторых социальных групп населения – жрецов, старейшин родов, части знати, еще не воспринявшей или, напротив, отошедшей от христианских или мусульманских норм.

Французский путешественник Ферран, посетивший некоторые районы Черкесии, в этой связи писал: «Они оказывают большое уважение телам умерших отцов и других родственников, которые ставят в деревянных гробах на высокие деревья» [4]. Если его наблюдения понимать буквально, это означает, что на деревьях хоронили только мужчин. На такой вывод наводит сообщение Аполлония Родосского (III в. до н.э.) о колхском обычае умерших мужчин привязывать к верхушкам деревьев, а женщин погребать в земле». Отсюда можно прийти к умозаключению, что в корне обычая может быть древнее универсальное представление о том, что земля (мать-

земля) несет женское начало, небо – мужское. Поэтому мужчин отдавали небу (дерево), а женщин – земле [5].

Можно предположить, что одним из вариантов обряда «воздушного» погребения был обычай вешать на деревьях оружие, одежду и другие вещи, принадлежавшие умершему, либо пожертвованные в его честь. Такие наблюдения были сделаны Э. Челеби, К. Главани, Ж. де Люка, Н. Витсенем. Последний упоминает о деревьях, на которых висят стрелы, луки и другие предметы и которые так почитают, что их боятся тронуть даже разбойники. [6]. К. Главани писал о дереве *пенекассан*, которому «умирающие оставляют свою саблю, ружье и одежду». [7].

Друидизм или почитание деревьев стал одной из наиболее устойчивых языческих традиций Черкесии. У Тавернье есть великолепный рисунок резиденции черкесского князя: в самом центре большой круглой площади водружен высокий шест со шкурой козла. Подчеркнем, что выставлялась исключительно шкура козла, но не барана или быка. «Эту шкуру они растягивают на двух палках, – поясняет Тавернье, – протягиваемых от ноги до ноги, и вешают ее на шест, вбитый в землю посередине селения, с повешенной на них шкурой, равно количеству убиваемых животных и каждый, проходя перед ними, отвешивают глубокий поклон» [8].

Здесь мы видим сочетание, по крайней мере, двух языческих культов: культа козла и культа «воздушного» погребения. О культе козла у абхазов и адыгов известно достаточно много, и этот культ держался стабильно до XIX в. По случаю смерти врага резали именно козла, поэтому периодическое водружение шкуры этого жертвенного животного посреди «ипподрома» могло означать военный триумф или более скромную победу. Описание Тавернье относится к черкесскому княжеству Темиргой (Кемиргой) и сделано около 1640 г.

В первой четверти XIX века автор, скрывающийся под литерами N.N., вновь упоминает о сохранении практики «воздушного» погребения у адыгов: «Празднество Шибле (бога грома), торжествуемое ежегодно в течение семи дней, есть самый замечательный остаток язычества. Жители нескольких деревень собираются вместе и устраивают на возвышенном месте род жертвенника, утвержденного на четырех столбах, врытых в землю, и расположенного так, чтобы углы его обращены были к северу, востоку, западу и югу. Вокруг сего жертвенника закалывают быков, козлов, баранов в жертву богу Шибле и головами их, воткнутыми на колья, окружают жертвенник. В течение шести дней продолжается пиршество, состоящее в еде, питье, скачках, стрельбе в цель из ружья и лука, наконец, на седьмой день сжигают головы жертв и расходятся. Празднество сие продолжается каждый раз, когда случится, что кого-либо убьет громом. Смерть сия считается за благоволение Божие. Убитого кладут на вышеописанный жертвенник и празднуют смерть его также, как и в годовой праздник, учрежденный в честь бога Шибле и в воспоминание всех громом убиенных» [9].

В 1837 г. Джеймсом Беллом был засвидетельствован обряд водружения козьей шкуры на перекладине, на высоком шесте, и рядом специально устроенный навес на четырех столбах [10]. Все это обрядовое пространство было огорожено плетнем. В том же году русский офицер Н. М. в районе Пшада описал интересные памятники, которые можно интерпретировать как надгробные сооружения, своего рода беседки, и как навесы для «воздушных» погребений: «Из густых рощ иногда выглядывали аулы, и на небольших полянах встречались довольно красивые памятники горцев: крашенные, деревянные навесы на четырех столбах, с резьбой и решетками» [11].

Более позднее сообщение о существовании в Черкесии «воздушного» погребения сделано археологом В. Сизовым, обследовавшим ряд могильников на черкесском побережье. Массовым и типичным обрядом захоронения на обследованной

В. Сизовым территории являлось погребение в каменном ящике под курганом. Типичная ориентация – головой на север. В. Сизов подчеркивает этногенетическую и культурную преемственность этого обряда с традициями мегалитической, дольменной эпохи. «Живучесть этих традиций, – пишет В. Сизов, – объясняется только преемственностью вообще древних обычаев среди одной и той же народности, занимавшей испокон века одну местность». Затем В. Сизов высказывает замечательную догадку, касающуюся как коллективных захоронений в одной гробнице, так и кремаций – в каменных ящиках и урнах. «Такого рода факт, – пишет В. Сизов, – объясняется существовавшим в этих местах обычаем – трупы умерших людей привешивать на деревья, откуда уже через несколько лет кости насыпались в родственные могилы. Обряд этот, о котором упоминают древние писатели, сохранился до позднего времени: так, атаман Раевской станицы был свидетелем в 60-х годах, как натухайцы похоронили таким способом своего собрата, убитого громом». Черкес Кадриков (переводчик-натухаевец), осевший в станице после завершения Кавказской войны, служивший проводником и информатором у Сизова, точно также утверждал, что черкесы вешали на деревья трупы убитых молнией. «Такой обычай нельзя не считать уцелевшим древним погребальным обрядом, который не растворился в мусульманских верованиях и в котором еще чувствуются следы почитания бога-громовника» [12].

У абхазов наблюдаются схожие по исполнению обряды. Как уже отмечалось выше, античный автор Апполон Родосский (III в. до н.э.) сообщал, «что у колхов считалось святотатством предавать огню или зарывать в землю трупы умерших мужчин, что их заворачивали в невыдубленные бычачьи шкуры и при помощи веревок вешали на деревьях вдали от города, в то время, как трупы женщин предавали земле». Ник. Дамаский (I в. н.э.) подтверждает, что «колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях». Клавдий Элиан (III в. н.э.) также отмечал, что «колхи хоронят покойников в кожах: зашивают их и вешают на деревьях». Ламберти (XVII в.), описывая обычай «воздушного» погребения у абхазов, писал, что они «выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник употреблял в жизни на войне» [13].

Царевич Вахушти Багратиони (1696-1757гг.), представитель грузинского династического дома и ученый-энциклопедист, в своем труде «География Грузии» писал о религиозном облике абхазов: «По вере – христиане, но невежи во всем: их можно сравнить с идолопоклонниками, ибо мертвецов своих не хоронят, но вместе с их же украшениями и доспехами, и одеждой, положив в гроб, кладут на деревья и, если мертвец засвистит при помощи дьявола, верят, что он спасен будет». [14]. М. Г. Джанашвили, переводчик и комментатор труда Вахушти, в примечании к этому сообщению пишет: «Абхазцы и доньне (до конца XIX в. – Прим. Б. Х.) труп человека, сраженного громовым ударом, кладут в гроб, ставят на вышку и оставляют там до тех пор, пока от него не останутся одни кости; тогда гроб снимают и хоронят, совершив над ним обыкновенный погребальный обряд, справив установленные обычаем поминки» [15]. Содержание источников позволяет с уверенностью предполагать, что обряда «воздушного» погребения удостаивались только мужчины.

Ш. Д. Инал-ипа подтверждает наблюдение М. Г. Джанашвили, отмечая, что еще и в XX в. убитых молнией на некоторое время помещали на высокие подмости, а вокруг них устраивалось обрядовое хождение в сопровождении специальной песни (аф-рашэа), но затем они все же обязательно предавались земле, причем оплакивать покойника запрещалось [16].

Факт того, что на протяжении тысячелетий горцы Северо-Западного Кавказа были привержены обряду «воздушного» погребения также говорит сам за себя: за этим

обычаем стояла цельная конфессиональная культура. Живучесть данного языческого культа в Абхазии и Черкесии была проявлена чрезвычайная – в условиях Кавказа это тем более удивительно, так как ни в какую историческую эпоху эти две страны (Абхазия и Черкесия) не были закрыты и недоступны для внешних влияний. Миссионеры всегда свободно посещали Кавказ: учреждались епископства и архиепископства. Но, тем не менее, язычество сохранило за собой статус общенациональной религии вплоть до начала XIX в. В целом же обряд «воздушного» погребения сохранялся у абхазов и черкесов до XVII в. и в пережиточном виде – до середины XIX в.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что население Северо-Западного Кавказа сохраняло приверженность обрядам, связанным с «воздушным» погребением на протяжении всей обозримой исторической эпохи. Стабильными элементами обряда являются:

- поклонение богу молнии;
- связь обряда с сакральным пространством священной рощи;
- сооружение помоста для жертвенного животного.

Устойчивым является также избрание козы как жертвенного животного. Высокий статус козы (козла) зафиксирован тем обстоятельством, что этот вид домашнего животного также заслуживал «воздушного» погребения.

Типологически кавказский обряд «воздушного» погребения может быть сопоставлен с предварительными «воздушными» погребениями в зороастризме. Башни-дакхмы выполняли ту же функцию, что и деревья в абхазо-адыгском ареале. В пространстве зороастризма очищенные стихиями (воздух, солнце, вода) кости помещались в герметичные гробницы-склепы. Абхазо-адыгские представления соответствуют зороастрийским, согласно которым мертвая плоть не должна осквернять священный дух земли. Склеповыми гробницами являются по своей сути не только дольмены, но и каменные ящики Северо-Западного Кавказа.

Обряд «воздушного» погребения на Северо-Западном Кавказе предполагал функционирование семейных склепов, поскольку в исследованных каменных ящиках обнаруживают от 1 до 19 «комплектов» костей покойников. Соответственно мы можем предположить, что в близлежащих к могильникам с каменными ящиками лесных массивах устраивались участки для предварительного «древесного», «воздушного» погребения. Имея в виду исключительную приверженность этому обряду, можно предполагать, что он носил престижный характер, и что таким образом очерчивалось исконное абхазо-адыгское пространство.

Стабильность обряда во времени и пространстве поддерживалась:

- его органичной включенностью в систему язычества;
- приверженностью к нему всех социальных слоев;
- существованием представления о том, что данный обряд является исконным, доставшимся от далеких предков;
- культивированием обряда жрецами и людьми, особенно сведущими в вопросах отправления языческих культов.

Общими для абхазов и адыгов являются предпочтение «воздушных» захоронений для людей, погибших от молнии, или для мужчин, каким-либо образом выделенных из социума. Вариативны формы исполнения обряда в отношении условий обращения с покойником (заворачивают в шкуру животного, кладут в деревянный ящик, укладывают в дупло дерева, подвешивают на веревках) и в отношении поведения общины. Соплеменники могут пировать, танцевать, петь песни, оплакивать, приносить в жертву животных, развешивать на дереве одежду и оружие умершего и т.п.

В целом «воздушное» погребение вплетено в общую систему представлений черкесского друидизма и не встречается за пределами расселения народов абхазо-адыгской группы. Тем не менее, типологическая связь с зороастризмом позволяет «расшифровать» «воздушное» погребение как предварительное (до окончательного захоронения тлена в земле) и одновременно престижное.

Примечания:

1. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 40. [Далее – АБКИЕА].
2. Хабекирова Х. А., Мусукаев А. И. Мир дерева в культуре адыгов. Нальчик: Эль-фа, 2001. С. 49; Ляушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ). Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. С. 38.
3. Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 75-76.
4. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкессию // АБКИЕА. С. 112.
5. Хабекирова Х.А., Мусукаев А. И. Указ. соч. С. 50.
6. Витсен Н. Черкесия // АБКИЕА. С. 88.
7. Главани К. Описание Черкесии // АБКИЕА. С. 162.
8. Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // АБКИЕА. С. 77-78.
9. Н. Н. Религия закубанских черкесов // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. М., 1832. Ч. 8. С. 126-131.
10. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Т. 2 / пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик, 2007. С. 73.
11. Н. М. Воспоминание о Кавказе 1837 года. Статья первая // Библиотека для чтения. СПб., 1847. Январь. Т. 80. Отд. III. С. 65.
12. Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1889. Вып. II. С. 154-158.
13. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран // АБКИЕА. С. 58-60.
14. Царевич Вахушти. География Грузии / введ., пер. и прим. М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV, вып. 5. С. 547.
15. Там же. С. 235 (примечание 618).
16. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. С. 548.